

НАДЕЖДА СОКОЛОВА

ЛЕДИ-ПОПАДАНКА
ИЗ ЗАМКА
ЛАВЕНБРИ

Надежда Соколова

**Леди-попаданка
из замка Лавенбри**

«Автор»

2026

Соколова Н. И.

Леди-попаданка из замка Лавенбри / Н. И. Соколова — «Автор»,
2026

Мне 38, и я попаданка. Вот уже 2 годя я живу в магическом мире, в собственном замке, развиваю свой бизнес, забочусь о своих крестьянах, ремонтирую свой замок. И даже думать не хочу о женихах. Ни о ком из них. Даже о красавце-аристократе, зачистившем в мой замок.

© Соколова Н. И., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	7
Глава 3	10
Глава 4	13
Глава 5	15
Глава 6	17
Глава 7	20
Глава 8	23
Глава 9	27
Конец ознакомительного фрагмента.	28

Надежда Соколова

Леди-попаданка из замка Лавенбри

Глава 1

Дождь за окном начался еще утром — мелкий, моросящий, почти невидимый в сером сумраке, — и, казалось, и не думал заканчиваться. Я сидела в кресле, укутавшись в мягкий плед, пахнувший старой шерстью и сушеными травами, и наблюдала, как струи воды стекают по стеклу, оставляя за собой извилистые дорожки, превращая мир снаружи в размытую акварель. В камине потрескивали дрова, отбрасывая на стены танцующие тени, и это было единственное, что нарушало тишину старого замка, — если не считать редкого скрипа половиц где-то в глубине коридоров да завывания ветра в печной трубе.

Лето закончилось. Я поняла это не по календарю, а по тому, как изменился воздух за окном — он стал прозрачнее, звонче, и в нем уже чувствовался тот особый холодок, который предвещает близкую зиму. Еще вчера мне казалось, что теплые вечера будут длиться вечно, что запах скошенной травы и спелой земляники никогда не выветрится из памяти. Но вот я здесь, и за окном — только серое небо да мокрые ветки старого клена, которые гнутся под порывами ветра, роняя последние пожелтевшие листья на мокрую землю.

Я взяла чашку с остывающим чаем — фарфор был тонким, с золотой каймой, чуть теплым под пальцами — и сделала маленький глоток. Грусть, которую я чувствовала, была легкой, почти невесомой. Она не давила на сердце, не мешала дышать. Скорее, она походила на тихую музыку, что звучит где-то в глубине души, напоминая о чем-то важном, но давно ушедшем. Я думала о том, как быстро пролетели эти месяцы, о людях, с которыми встретилась и рассталась, о словах, которые хотела сказать, но так и не сказала.

Впереди была зима. Долгая, холодная, с ее бесконечными вечерами и белым безмолвием. Когда-то я боялась ее прихода, мне казалось, что вместе с холодами в мою жизнь придет что-то тяжелое и беспросветное. Но теперь я понимала: зима — это не конец, а пауза. Время, когда можно остановиться, затаиться, прислушаться к себе. Время, когда за окном воет вьюга, а внутри горит огонь.

Я снова посмотрела на дождь. Он все еще шел, ровный и спокойный, словно природа сама не могла решить, плакать ей или просто смывать пыль с уставшей земли. И в этом было что-то уютное, почти родное. Я откинулась на спинку кресла и закрыла глаза, позволяя себе просто быть здесь и сейчас. Лето ушло, но оно оставило после себя тепло, которое я смогу пронести сквозь все холода. А значит, все было не напрасно.

Камин тихо потрескивал, дождь стучал по стеклу, и мне казалось, что весь мир замер вместе со мной, ожидая, когда же на смену серому дождю придет первый снег.

Стук в дверь прозвучал мягко, но отчетливо, вырвав меня из оцепенения. Я открыла глаза и обернулась. Дверь приоткрылась, и на пороге появилась Элиза — одна из наших служанок, молодая женщина лет двадцати, в темно-серой униформе с белоснежным передником и накрахмаленном чепце, из-под которого выбилась пара непослушных светлых прядей. Она всегда двигалась тихо, словно боялась потревожить стены этого старого замка, и сейчас стояла, чуть склонив голову и сложив руки перед собой.

— Простите, что беспокою, госпожа, — произнесла она негромко, но внятно, и голос ее прозвучал в тишине комнаты чуть виновато, словно она и вправду боялась нарушить мой покой. — Пришел управляющий. Он просит вас спуститься.

Я кивнула и, откинув плед, поднялась из кресла. Ноги слегка затекли от долгого сидения, и я на мгновение оперлась рукой о подлокотник — резной, темного дуба, отполированный до

блеска многими годами, — чтобы обрести равновесие. Камин еще горел, отбрасывая последние теплые отсветы на паркет, и мне стало немного жаль покидать это уютное убежище.

— Хорошо, Элиза. Скажи, что я иду.

Служанка кивнула и бесшумно исчезла за дверью, притворив ее за собой так же мягко, как и открыла. Я поправила юбку платья — темно-бордового, с высоким воротом и длинными рукавами, — провела ладонями по ткани, разглаживая невидимые складки, и направилась к выходу.

Коридор встретил меня полумраком и прохладой. Здесь, вдали от камина, воздух был совсем другим — сырым и неподвижным, с легким запахом пыли и старого воска. Стены, увешанные старыми портретами и гобеленами, казалось, хранили молчание столетий. Мои шаги гулко отдавались на каменных плитах пола, и этот звук почему-то казался мне чужим, словно я была здесь гостьей, а не хозяйкой. Мимо проплывали высокие окна с витражами, сквозь которые серый свет дождливого дня падал разноцветными пятнами на пол — красными, синими, янтарными. Я шла медленно, проводя рукой по холодным перилам, чувствуя под пальцами каждую трещинку и выбоину в дереве, и думала о том, что этот замок, наверное, видел тысячи таких же осенних вечеров, тысячи женщин, спускающихся по этой лестнице по чьей-то просьбе.

Лестница была широкой, с резными дубовыми перилами и истертыми ступенями, которые помнили еще шаги моей бабушки. Я спускалась осторожно, придерживая подол платья, и каждый шаг отдавался легким эхом в высоком сводчатом холле. Внизу, у подножия лестницы, горел большой камин — его огонь был ярче и жарче, чем в моей комнате, и отбрасывал длинные пляшущие тени на стены, заставляя старые гобелены словно бы оживать.

Управляющий, Джек, ждал меня в центре холла. Это был немолодой уже мужчина, лет пятидесяти, с седеющими висками и строгим, но не суровым лицом. Он стоял, выпрямившись, держа в руках кожаную папку с бумагами, и его темный сюртук был безупречно застегнут на все пуговицы. Увидев меня, Джек слегка поклонился — ровно настолько, насколько позволяло почтение, без излишней угодливости.

— Госпожа, — произнес он спокойным, ровным голосом, в котором слышалась привычка говорить о делах кратко и по существу. — Благодарю, что спустились. Есть несколько вопросов, которые требуют вашего внимания.

Я подошла ближе, чувствуя, как тепло от камина согревает озябшие руки. В холле пахло воском, старым деревом и дождем, который доносился через приоткрытое окно где-то в глубине коридора.

Глава 2

Мы прошли через холл в небольшую гостиную, которую я любила за её уют — не то чтобы здесь было теплее, чем в других комнатах, но что-то в этих низких потолках с дубовыми балками, потемневшими от времени, что располагало к спокойным разговорам. Управляющий пропустил меня вперёд, и я заняла своё привычное кресло у небольшого столика с резными ножками, стоявшего возле окна, за которым всё так же шелестел дождь. Джек сел напротив, аккуратно положив папку на колени, и раскрыл её, пробегая глазами по своим записям, сделанным ровным, почти каллиграфическим почерком.

— Начну с того, что порадует, госпожа, — произнёс он, и в его голосе послышалась едва уловимая теплота, словно он и сам был рад начать с хороших новостей. — Урожай пшеницы в этом году выдался на редкость хорошим. С полей восточного клина мы собрали почти на треть больше, чем в прошлом сезоне. Амбары уже заполнены под самые крыши, и часть зерна мы отложили на продажу — цены этой осенью обещают быть выгодными. Рожь тоже уродилась, хотя и чуть хуже, чем мы рассчитывали, но на нужды поместья хватит с избытком. Овёс убран полностью, и я уже распорядился начать его обмолот.

Он перевернул страницу — пожелтевшую по краям, исписанную мелким убористым шрифтом — и продолжил, чуть более размеренным тоном:

— Что касается овощей, здесь картина смешанная. Свёкла и морковь удались на славу — крупные, сладкие, мы уже заложили их в погреба, пересыпав песком, чтобы не портились до весны. Капуста тоже хороша, её хватит и на засолку, и на зимнее хранение — кочаны плотные, тяжёлые, хоть на выставку. А вот с картофелем вышла незадача. Летом, как вы помните, была та неделя с проливными дождями, и часть западного поля просто вымокла, клубни почернели прямо в земле. Мы потеряли, по моим подсчётам, около четверти урожая. Не катастрофа, но закупку на весну придётся планировать заранее. Репу и редьку убрали вовремя, они лежат в песке, как положено, — крепкие, без единой гнилой.

Он сделал небольшую паузу, словно давая мне время осмыслить услышанное, и я кивнула, чтобы он продолжал.

— Теперь о скоте. Здесь, слава богам, всё идёт своим чередом. Коровы отелились хорошо — двенадцать телят, все здоровые, крепкие, с блестящей шерстью и тёмными влажными глазами. Молочное стадо увеличилось, и мы уже начали откармливать двух бычков на зимний забой — зерном и сеном, чтобы мясо было нежным. Овцы принесли двадцать три ягнёнка, что тоже выше наших ожиданий. Правда, двух ягнят пришлось выхаживать вручную — мать отказалась их кормить, и пастух почти неделю поил их из бутылочки тёплым молоком, укутав в старую попону, но он справился, и сейчас они вполне окрепли, бегают вместе с остальными. Свины набрали хороший вес — туши плотные, с ровным слоем сала, — к зиме будет чем пополнить кладовые. Лошади в порядке, хотя старый Гнедой начал прихрамывать на переднюю ногу. Кузнец осмотрел его, осторожно прощупал сустав и говорит, что это возрастное, но работать на нём дальше нельзя — только лёгкие прогулки по двору.

Управляющий чуть нахмурился, провёл пальцем по строчке в своих записях и перешёл к следующему пункту:

— Охота в лесных угодьях продвигается неплохо, но есть и сложности. Олени в этом году ушли глубже в чащу — видимо, из-за того, что лето было жарким и они искали тень и воду у дальних ручьёв. Мы добыли шесть оленей, что дало нам изрядный запас мяса на зиму — часть уже засолили в бочках, часть подвесили вялиться в холодной кладовой. Кабанов тоже немало, но с ними пришлось повозиться — один секач попался настолько крупный, что егеря не сразу с ним справились, и один из них получил глубокую царапину на плече от клыка. Птицы в этом сезоне меньше обычного: утки и гуси рано ушли на юг, и мы взяли всего пару десятков —

на жаркое хватит, но на продажу почти ничего не останется. Зато зайцев развелось видимо-невидимо, и силки работают каждый день, так что дичи на столах будет вдоволь. Что касается пушнины, лисы и куницы попадают исправно, меха получаются хорошие — густые, с ровным ворсом, из них выйдут отличные шубы и воротники.

Он снова перелистнул страницу, и в его голосе появилась нотка досады:

— А вот с рыбой вышло не так гладко, как хотелось бы. В прудах карп и карась клюют вяло — вода остыла раньше обычного, и рыба ушла на глубину, к илистому дну, где её почти не достать сетями. Мы выловили достаточно, чтобы обеспечить поместье на первую половину зимы, но до весны запасов может не хватить, и придётся, вероятно, покупать солёную рыбу на стороне. В реке дела чуть лучше: форель и щука ловятся, хотя и не так активно, как в прошлом году. Мы поставили дополнительные верши у старой мельницы, в тени ольховых зарослей, и за последнюю неделю улов немного вырос — несколько крупных щук уже отправились в ледник. Если погода позволит, будем продолжать ловить до первых заморозков.

Он закрыл папку — мягко, без стука, придержав крышку ладонью, — и посмотрел на меня, ожидая, что я скажу. За окном по-прежнему шумел дождь, и его ровный, монотонный стук наполнял гостиную странным спокойствием, словно все эти заботы о скоте и урожае были всего лишь частью большого, неторопливого круговорота жизни, который не терпит суеты.

Я откинулась в кресле, «переваривая» услышанное. Дождь за окном не унимался, и его мерный стук словно помогал мне думать, отсекая всё лишнее. Джек ждал, держа папку на коленях и не сводя с меня спокойного, внимательного взгляда — в нём не было ни нетерпения, ни заискивания, только ровное ожидание человека, привыкшего, что решения принимает не он. Он был хорошим управляющим — не суетливым, не льстивым, умеющим и докладывать, и слушать. Я знала, что могу положиться на его суждение, но последнее слово всегда оставалось за мной, и сейчас я чувствовала, как в груди просыпается та собранность, которая всегда приходила на смену тихой грусти, когда дело касалось поместья.

— Благодарю, Джек, — начала я, чуть подавшись вперёд и сцепив пальцы на коленях, чувствуя, как прохладный воздух гостиной окончательно прогоняет остатки дремоты. — Урожай пшеницы меня радует, но не будем почивать на лаврах. Отложи на продажу только излишки, а основную часть оставь в резерве — зима обещает быть долгой. Если цены поднимутся к весне, продадим тогда, когда это будет выгоднее. Что до картофеля — пошли человека в город за семенным запасом уже сейчас, пока дороги не развезло. И скажи кладовщику, чтобы пересыпал свёклу сухим песком и переложил её полынью — мыши в этом году особенно наглые, я видела следы в дальнем погребе.

Джек коротко кивнул, но не записал — он всегда запоминал такие вещи с первого раза, и я знала это. Я продолжила, и голос мой становился всё более твёрдым:

— По скоту. Телят и ягнят осмотреть ещё раз перед холодами — пусть ветеринар из деревни придёт, проверит копыта и глаза, нет ли где начинающейся хвори. Двух ягнят, что выхаживали вручную, оставь в тёплом хлеву до весны — они слабее остальных, на выпасе не выживут, да и пастух к ним привязался. Гнедого не заставляй работать, пусть гуляет в дальнем загоне, где трава ещё не выедена. Если кузнец скажет, что нужна мазь для суставов, пусть возьмёт из моих личных запасов — у меня есть банка с настоем арники и болотной мяты, она хорошо помогает, я сама ею растирала колено после той поездки в город. Бычков на забой откормить до конца месяца — зерном и свекловичным жомом, чтобы мясо было с прослойкой, — а потом позови мясника из деревни. Свиной пока не трогай, пусть набирают вес, им ещё до первых холодов далеко.

Я на мгновение задумалась, а затем вспомнила о том, что лежало в верхнем ящике моего письменного стола — небольшой амулет из тёмного камня с вырезанным на нём рунным знаком. Он был завязан на плодородие скота. Я редко пользовалась им, но сейчас, глядя на Джека, решила, что пришло время.

— Джек, завтра утром, перед тем как выпустить коров на выпас, повяжи на шею вожаку стада вот этот амулет, — я поднялась, подошла к столу и вынула из ящика маленький замшевый мешочек, который протянула управляющему. Камень в нём был гладким, отполированным временем, и от него едва уловимо пахло сушёной полынью. — Он должен быть на вожаке до первых заморозков. Это старая вещь, но она работает — молоко будет жирнее, и телята родятся крепкими. Только проследи, чтобы мешочек не снимали и не мочили. И ещё: если заметишь, что коровы начали беспокоиться без причины или отказываются от корма, сразу пошли за мной. Я посмотрю, не сглазил ли кто.

Джек принял мешочек с почтительным наклоном головы и бережно убрал его во внутренний карман сюртука, застегнув пуговицу, чтобы не потерялся в дороге. Я вернулась в кресло и продолжила, теперь уже об охоте и рыбной ловле.

— По лесным угодиям. Шесть оленей — это хорошо, но не забирай больше, чем нужно, пусть стадо восстановится, иначе к следующей осени останемся ни с чем. Кабанье мясо засолить и закоптить, часть отдать егерям в счёт жалованья. Зайцев ловить можно без ограничений, они всё равно расплодятся к весне. А вот с птицей — не трать силы на уток, их мало. Лучше пошли людей на болота за дикими гусями, они там ещё должны быть, если не все ушли на юг. И поставь силки на куропаток в ольшанике за мельницей — я видела там свежие следы, птицы держатся в кустах у самой воды.

Я чуть помедлила, припоминая, и добавила:

— Что до пушнины, лисьи и куньи меха отложи отдельно — не смешивай с заячьими, они пойдут на другое. Я хочу отправить несколько шкурок в город — там есть мастер, который делает из них амулеты на удачу в делах. Такие вещи хорошо продаются, особенно перед зимними праздниками. Только скажи охотникам, чтобы снимали шкуры аккуратно, не резали, не растягивали на грубой доске — иначе мастер не возьмёт, забракует. Мех должен быть целым, с ровным ворсом, без проплешин.

Теперь настала очередь рыбы, и я вздохнула, потому что дело это было хлопотное.

— С рыбой, как я понимаю, придётся повозиться. Джек, у нас в дальнем сарае лежат старые сети — те, что мы не использовали года три, они висят на гвозде за стеллажом с инвентарём. Проверь их, залатай, если нужно, — там, кажется, пара дыр в крыле, — и поставь на реке ниже мельницы. Там глубокие ямы, форель должна там зимовать, в холодной воде у самого дна. И ещё: возьми у меня из кладовой две склянки с настоем жабьей травы — добавь их в воду у вершей. Немного, по несколько капель на каждую. Этот настой приманивает рыбу, особенно в холодной воде, когда она отказывается от обычной приманки. Я знаю, что ты в это не веришь, — я чуть улыбнулась, — но попробуй. Хуже не будет.

Я откинулась на спинку кресла и сложила руки на коленях, чувствуя, что главное сказано. Дождь за окном начал стихать — уже не стучал, а тихо шелестел, словно засыпал, — и в гостиной стало чуть светлее, серый сумрак за стеклом начал медленно рассеиваться.

— И последнее, Джек. Проверь, достаточно ли дров заготовлено для большого камина в холле и для комнат на втором этаже — особенно для детской и моей спальни, там всегда тянет из-под двери. Зима будет холодной — я это чувствую по тому, как рано ушла рыба на глубину и как низко летят птицы. Если дров мало, пошли людей в южный лес, там много сухостоя, бурелом после прошлогодней грозы ещё не весь убрали. Но не руби живые деревья, у нас и так вырублено слишком много, а лес — это наше будущее.

Я замолчала и посмотрела на управляющего, ожидая, что он скажет. Вопросов у меня больше не было — только тихая уверенность, что всё будет сделано так, как нужно, и что этот замок, с его сквозняками и старыми стенами, переживёт ещё одну зиму.

Глава 3

Дверь за Джеком закрылась с тихим щелчком, и я осталась одна. В гостиной стало очень тихо — только дрова в камине потрескивали, оседая и рассыпаясь искрами, да дождь за окном барабанил по стеклу, уже не так настойчиво, как утром. Я пододвинула кресло ближе к огню — оно скрипнуло по паркету, — взяла со столика остывшую чашку чая и сделала глоток. Чай давно остыл, но я не заметила этого — мысли были далеко.

Два года. Всего два года с тех пор, как я открыла глаза в этом мире — в своем теле, но в чужом замке. Я помнила тот день до мельчайших подробностей: как очнулась на кровати с балдахином от запаха воска и лаванды, как испугалась высоченных потолков и гобеленов на стенах, как не сразу поняла, что руки, которые я вижу перед собой, — мои. Тогда мне казалось, что это сон, что я вот-вот проснусь в своей маленькой квартирке на пятом этаже, где скрипит паркет, где на кухне капает кран, сколько его ни чини, и сосед сверху смотрит телевизор до полуночи.

Но я не проснулась. И постепенно, день за днём, я привыкала. Училась ходить в длинных платьях, чтобы не запутаться в подоле и не упасть на лестнице. Запоминала имена слуг, расположение комнат, порядки поместья. Училась говорить иначе — мягче, неторопливее, без привычных мне резких словечек и канцелярских оборотов. Училась быть хозяйкой.

На Земле я была другим человеком. Мелким клерком в душном офисе с вечно мигающей лампой и компьютером, который зависал в самый неподходящий момент. Тридцать восемь лет — а за плечами ничего, кроме стопки договоров, чашки кофе по утрам и одиноких вечеров перед экраном ноутбука. Я не была несчастна, нет. Просто жизнь моя была серой, как тот самый офисный ковролин, и я давно перестала ждать от неё чего-то другого. А потом — раз, и всё исчезло. Никакого объяснения, никакой вспышки света или голоса свыше. Просто однажды утром я оказалась здесь.

Сначала было страшно. Я не понимала, как управляться с хозяйством, какие решения принимать, кому верить. Джек, наверное, первые месяцы считал меня странной — я задавала слишком много вопросов, путалась в цифрах, не знала, сколько зерна нужно на зиму и как лечить захромавшую лошадь. Но он оказался терпеливым — объяснял по два раза, не вздыхал, не закатывал глаза, только хмурился иногда, когда я спрашивала совсем уж очевидные вещи. И постепенно я научилась. Научилась чувствовать землю, понимать людей, принимать решения — не идеальные, но свои.

Я провела пальцами по подлокотнику кресла, ощущая тёплое дерево под кожей — оно было гладким, отполированным годами, и чуть шершавым в том месте, где когда-то давно кто-то оставил глубокую царапину. В этом мире мне было хорошо. Здесь у меня была какая-то спокойная уверенность, которой мне так не хватало там, на Земле. Я больше не была клерком, зажатым в рамки чужих правил. Здесь я была хозяйкой — пусть не всезнающей, пусть иногда сомневающейся, но той, чьё слово имело вес.

Огонь в камине вспыхнул ярче, отбрасывая пляшущие тени на стены, и я улыбнулась, вспомнив, как в первый месяц случайно подожгла занавеску в этой самой гостиной. Джек тогда смотрел на меня так, словно я была сумасшедшей, — молча, с расширенными глазами, держа в руках ведро воды, — а я просто не знала, что камин нужно закрывать сеткой, когда уходишь. Мелочь, а до сих пор стыдно. Занавеску, конечно, заменили, но лёгкий запах гари в углу у окна, кажется, остался навсегда.

Я допила остывший чай — последний глоток был горьковатым, с осевшей на дне чайной — и поставила чашку на столик. Дождь почти закончился — за окном виднелось светлое пятно, словно небо решило ненадолго разойтись, и по стеклу стекали последние редкие капли. Я подумала о том, что зима, которой я так боялась в первые месяцы, теперь не казалась мне

страшной. Она была просто временем года. Временем, когда можно замедлиться, подумать, заняться тем, до чего не доходили руки летом. Может быть, научиться. Или начать читать ту книгу о травах, что лежит на полке в библиотеке — толстый том в потёртом кожаном переплёте, с пожелтевшими страницами и засушенными цветами между ними. Или просто сидеть у камина и смотреть на огонь, никуда не спеша.

Я закрыла глаза и представила, как там сейчас, на Земле. Идёт ли там дождь? Смотрит ли кто-нибудь в окно, как я, и думает о том, куда ушло лето? Наверное, да. Но эти мысли больше не вызывали у меня тоски. Тот мир остался где-то далеко, как старая фотография, которую я иногда достаю из ящика — посмотреть, вспомнить, улыбнуться и убрать обратно. А я — здесь. И здесь у меня есть замок, земля, люди, которые ждут моих распоряжений, и камин, который горит ровно и тепло.

Я открыла глаза и посмотрела на огонь. Он танцевал, живой и яркий, и в его отсветах мне виделось что-то доброе. Лето закончилось. Впереди была зима. И, пожалуй, я была готова её встретить.

Я поднялась из кресла — медленно, словно нехотя расставаясь с теплом, которое накопилось в складках пледа и мягкой обивке. Ноги в домашних туфлях из мягкой кожи ступали почти бесшумно по паркету, и только лёгкое поскрипывание половиц выдавало мои шаги. Я подошла к высокому зеркалу в резной деревянной раме, стоявшему в углу гостиной — оно было старым, с чуть потемневшим по краям стеклом, которое придавало отражению мягкость, словно портрет кисти старого мастера.

Из зеркала на меня смотрела женщина. Высокая, худощавая, с прямой спиной и спокойными плечами. Шатенка — тёмные волосы с лёгкой рыжиной, которую почти не было видно при свечах, но которая проступала на солнце. Убраны в аккуратный пучок на затылке, ни одна прядь не выбивается — я заплетала их каждое утро, и рука уже привыкла к этому движению, как когда-то привыкла к клавиатуре и степлеру. Синие глаза — не яркие, не кричащие, а глубокие, как вода в лесном озере, с чуть заметными морщинками в уголках. Миловидное лицо, без резких черт, без броской красоты, но с тем спокойным выражением, которое приходит к женщине, переставшей ждать от жизни чудес и научившейся находить их в обыденном.

На мне было тёмно-синее платье — домашнее, закрытое, с длинными рукавами и высоким воротом, без украшений и лишних деталей. Ткань мягкая, шерстяная, тёплая. Туфли на низком каблуке, удобные, разношенные. Всё просто, всё по-домашнему. Я не носила драгоценностей в обычные дни — только тонкое серебряное кольцо на указательном пальце.

Я смотрела на своё отражение и не находила в нём ничего, что хотела бы изменить. Ни морщин, которые можно было бы разгладить, ни лишнего веса, ни усталости, которая портила бы черты. Я была одна — в этом не было ни трагедии, ни жалобы. Просто факт. В моей жизни не было мужа, не было возлюбленного, не было даже близкой подруги, которой можно было бы поплакаться в жилетку. Но странным образом меня это устраивало. Я не чувствовала пустоты, которую нужно было бы заполнить. Не чувствовала тоски по чьему-то присутствию рядом. Мне было хорошо наедине с собой — с огнём в камине, с дождём за окном, с тишиной, которая не давила, а обнимала.

Может быть, это одиночество было моим выбором. А может — следствием того, как внезапно и необъяснимо я оказалась здесь. Но я давно перестала копаться в причинах. Я просто жила. И в этом отражении — женщина в тёмно-синем платье, с пучком на затылке, с руками, которые умели и счета проверять, и повязки на раны накладывать, — я видела себя. Настоящую. Не ту, что двадцать лет просидела в офисе, а ту, что научилась быть хозяйкой, научилась принимать решения и не жалеть о них.

Я чуть повернула голову, рассматривая линию подбородка, шею, плечи. Уголки моих губ чуть дрогнули в улыбке — не грустной, не весёлой, а той, что появляется, когда человек наконец-то примирился с собой. Я поправила ворот платья, хотя он и так сидел ровно, и отверну-

лась от зеркала. За окном дождь почти прекратился, и в гостиной стало светлее. Я вернулась в кресло, но не села — просто стояла, глядя на огонь, чувствуя, как тепло разливается по телу.

Холодная зима впереди. Одинокие вечера. Но я знала, что не буду страдать от этого. Одиночество — это не всегда пустота. Иногда это просто тишина, в которой можно наконец услышать себя. И я, Виктория, была готова слушать.

Глава 4

Я поднялась по лестнице неспешно, проводя рукой по прохладным перилам, ощущая под пальцами каждую выемку и трещинку в старом дереве. Коридор второго этажа встретил меня полумраком — свечи в настенных канделябрах уже зажгли, и их тёплый свет дрожал на стенах, отбрасывая длинные тени, которые тянулись по гобеленам и портретам, словно живые. Я шла к своей комнате, и шаги мои были тихими, почти неслышными на мягком ковре. Дождь за окнами окончательно стих, и в наступившей тишине замок, казалось, дышал ровно и спокойно, как большой уставший зверь.

В комнате меня ждало тепло — камин ещё горел, дрова в нём прогорели до алых углей, но жар держался, наполняя комнату сухим, чуть смолистым запахом. На небольшом столике у окна, который я обычно использовала для чтения, был накрыт ужин. Кто-то из служанок — скорее всего, Элиза — уже позаботился об этом, пока я разговаривала с Джеком. Стол был застелен белой льняной салфеткой, и на нём стоял поднос с едой, накрытой выпуклой серебряной крышкой, чтобы не остыло.

Я подошла, откинула крышку — она тихо звякнула, — и почувствовала, как в груди разливается тихое удовольствие. Ужин был простым, но сытным — именно таким, какой я любила после долгого дня. В центре тарелки лежал кусок запечённой оленины, щедро приправленный травами и чесноком, с розоватой серединой и поджаристой корочкой. Рядом — печёный картофель с розмарином, крупный, рассыпчатый, с капельками масла, и горка тушёной капусты с яблоками, кисло-сладкой, с лёгким ароматом гвоздики. Отдельно, в маленькой глиняной плошке, стоял густой грибной соус — я узнала его по запаху: лесные грибы, собранные ещё в сентябре, тушёные со сливками и луком. К еде прилагался ломоть свежего хлеба с хрустящей коркой и маленькая чашка взбитых сливок с мёдом — на десерт.

Я села в кресло у столика, взяла вилку и нож — простые, из потемневшего серебра, с истёртыми рукоятками, — и принялась за еду. Оленина была мягкой, таяла во рту, а травы придавали ей пряный, чуть дымный вкус. Картофель оказался именно таким, как я любила — с хрустящей снаружи и нежной внутри корочкой. Капуста с яблоками добавила кислинки, которая отлично оттеняла мясо, а грибной соус был настолько густым и ароматным, что я не удержалась и макнула в него хлеб. Сливки с мёдом стали приятным завершением — прохладные, сладкие, с лёгкой медовой горчинкой.

Я ела не спеша, наслаждаясь каждым куском. В этом мире еда была другой — не лучше и не хуже, чем на Земле, но настоящей. Здесь не было полуфабрикатов и замороженных продуктов, всё выращивалось, собиралось и готовилось руками. И от этого каждый кусок казался значимее, что ли. Я вспомнила, как на Земле часто ела на ходу — бутерброд над клавиатурой, кофе из автомата, лапшу быстрого приготовления в одиннадцать вечера. Здесь я научилась есть медленно, чувствуя вкус. И это было одной из многих маленьких перемен, которые я в себе заметила.

Когда тарелка опустела, я отставила её и некоторое время сидела, глядя на угли в камине. Тепло разливалось по телу, веки тяжелели. Я подумала, что пора спать. Поднялась и позвонила в маленький колокольчик, стоявший на столике, — серебряный, с тонким, но отчётливым звонком.

Почти сразу за дверью послышались лёгкие шаги, и вошла Элиза. Она уже знала, зачем я её позвала, — это было частью нашего вечернего ритуала. Служанка подошла ко мне, чуть склонив голову, и я повернулась к ней спиной, чтобы она могла расшнуровать платье. Пальцы у Элизы были ловкие и быстрые — она справилась с застёжками за минуту, и тёмно-синяя шерсть мягко соскользнула с плеч. Я осталась в тонкой льняной сорочке, которая была под платьем.

Элиза помогла мне снять её, и на мгновение я почувствовала, как прохладный воздух комнаты коснулся кожи. Но тут же служанка накинула мне на плечи ночную рубашку — длинную, из мягкого хлопка, с длинными рукавами и вышивкой по вороту. Я сама выбрала её в прошлом месяце у торговца тканями, и она стала моей любимой — тёплой, но не жаркой, свободной, но не мешковатой. Элиза застегнула пуговицы на спине, расправила складки и отошла на шаг, оглядывая свою работу.

— Всё, госпожа, — сказала она тихо, и в её голосе слышалась та мягкая забота, которую она никогда не выказывала при других. — Что-нибудь ещё?

— Нет, Элиза, благодарю. Можешь идти. И погаси свечи, пожалуйста.

Служанка кивнула, задула свечи в канделябре у двери — пламя вздрогнуло и погасло, оставив после себя тонкую струйку дыма, пахнувшего воском и можжевельником, — и, оставив гореть только одну, ту, что стояла на столике у кровати, бесшумно выскользнула из комнаты, притворив за собой дверь. Я осталась одна.

Одиночество окутало меня, как тёплый плед, — мягко, без давления, без требований. Я постояла немного посреди комнаты, прислушиваясь к тишине. Она была не пустой, а наполненной: тихо потрескивали остывающие угли в камине, где-то в стене поскрипывало старое дерево, за окном, в темноте, шелестел последний, почти невидимый дождь. Я чувствовала, как с каждым вдохом уходит напряжение, копившееся весь день, как разглаживаются плечи, как тяжелеют веки.

Я подошла к кровати — большой, с резными дубовыми столбиками и балдахином из плотного тёмно-синего бархата, который слегка колыбался от сквозняка. Одеяло было уже отвёрнуто, подушки взбиты, и на наволочках, белых, с тонкой вышивкой по краю, играли последние отсветы камина. Я забралась под одеяло, устроилась на прохладных простынях — они пахли лавандой, которую Элиза кладёт в шкаф между бельём, — и вытянула ноги. Угли в камине ещё тлели, отбрасывая на потолок слабые отсветы. За окном было тихо — ни дождя, ни ветра. Только тишина.

Я лежала на спине, глядя в потолок, и чувствовала, как тело расслабляется, как уходит дневная усталость — из плеч, из спины, из рук, которые весь день держали то перо, то чашку, то край стола. Мысли текли медленно, без напряжения. Я подумала о завтрашнем дне — надо будет проверить, как выполнили распоряжения Джека, заглянуть в кладовые, посмотреть, достаточно ли полыни положили к свёкле, может быть, съездить в деревню, если погода позволит. Потом мысли стали расплываться, терять очертания. Я повернулась на бок, подтянула одеяло к подбородку и закрыла глаза.

Камин тихо потрескивал. Где-то далеко, в ночи, ухнула сова — протяжно, печально и в то же время уютно, как будто сама ночь подавала голос. Я вздохнула, улыбнулась чему-то неведомому и медленно, спокойно погрузилась в сон.

Глава 5

Я проснулась от мягкого света, пробивавшегося сквозь щель в тяжёлых шторах — серого, рассеянного, без солнца, но всё же света, который говорил, что ночь кончилась. Камин давно погас, и в комнате стояла та особая утренняя прохлада, когда воздух кажется свежим и чуть влажным, словно за ночь кто-то проветрил весь замок. Я лежала несколько минут, не открывая глаз, слушая тишину. Она была другой, чем вечером, — не обнимающей, а бодрящей, наполненной далёкими звуками: где-то внизу гремели ведрами, кто-то прошёл по коридору, и половицы тихо скрипнули под осторожными шагами. Потом потянулась под одеялом, чувствуя, как тело нехотя просыпается, как каждая мышца недовольно тянется после сна, и села на кровати, опустив босые ноги на прохладный пол. Пол был гладким, чуть холодным, и это прикосновение окончательно прогнало остатки сна.

За окном было серо, но не мрачно — просто осеннее утро, без солнца, но и без дождя. Небо висело низко, ровное, как серое сукно, и старый клён за окном стоял почти голый — последние листья облетели за ночь и теперь лежали мокрыми тёмными пятнами на земле. Я взглянула на часы, стоявшие на каминной полке, и поняла, что проспала дольше обычного. Почти девять. Ну и пусть. Вчерашний день был долгим, и я заслужила лишний час. Я даже позволила себе ещё минуту посидеть неподвижно, глядя на серое окно и чувствуя, как в груди разливается спокойствие — не сонное, а ясное, собранное, готовое к новому дню.

Я протянула руку к колокольчику на прикроватном столике — маленькому, серебряному, с ручкой в виде цветка — и позвонила. Звон был тонкий, но отчётливый, и я знала, что внизу его услышат. Через пару минут за дверью послышались шаги — лёгкие, быстрые, — и вошла Элиза, уже одетая, с аккуратно убранными под чепец волосами, с кувшином горячей воды в руках. От кувшина поднимался лёгкий пар, и по комнате поплыл запах розовой воды, которую она всегда добавляла.

— Доброе утро, госпожа, — сказала она, ставя кувшин на умывальник и чуть улыбаясь. — Как спалось?

— Хорошо, Элиза. Спасибо. Вели приготовить ванну.

— Уже готово, госпожа. Я распорядилась ещё на рассвете, вода как раз нагрелась. Пойдёмте, я помогу вам.

Я кивнула, поднялась и накинула на плечи тёплый халат — плотный, из тёмно-бордовой шерсти, с вышитыми по вороту виноградными лозами. В нём было тепло и уютно, и я, шлёпая мягкими туфлями по каменному полу, вышла в коридор вслед за служанкой. Коридор был ещё полон утренних теней, но в дальнем конце уже горели свечи, и их свет дрожал на стенах, отражаясь в тёмных стеклах витражей.

Ванная комната находилась в конце коридора, за поворотом, в небольшом помещении, которое когда-то, вероятно, было чуланом, но при прежней хозяйке — той, что жила здесь до меня, — было переделано в ванную. В центре комнаты стояла большая деревянная бадья, выдолбленная из цельного ствола дуба. Она была высокая, с толстыми стенками, потемневшими от времени и влаги, и по краю шла медная оковка, чтобы дерево не трескалось. Бадья была наполнена горячей водой, от которой поднимался пар, и в воздухе висел густой запах трав — розмарина, лаванды и чего-то ещё, терпкого и свежего. Рядом на табурете лежали сложенные льняные полотенца, кусок мыла с запахом мёда и ковш.

Элиза помогла мне снять халат и ночную рубашку, и я осторожно ступила в бадью. Вода была горячей — почти на грани терпимого, — и я зашипела сквозь зубы, опускаясь медленно, по сантиметру. Но уже через минуту жар стал приятным, обволакивающим, и я откинулась на деревянную спинку, прикрыв глаза. Элиза тем временем взяла ковш и принялась поливать мне плечи и спину, не торопясь, размеренно. Вода стекала по коже, смывая остатки сна.

Она намылила мягкую губку и провела по моей спине, потом по плечам, по рукам. Мыло пахло мёдом и воском, и пена была густая, кремовая. Я подняла руки, давая ей промыть подмышки, потом наклонила голову, и Элиза осторожно намочила мои волосы, стараясь не залить лицо. Она намылила их тем же мылом, и я почувствовала, как её пальцы массируют кожу головы — медленно, круговыми движениями, с нажимом, который был приятен до мурашек. Я почти задремала, находясь по плечи в горячей воде, но Элиза мягко потянула меня за плечо:

— Госпожа, давайте ополоснёмся, а то вода остынет.

Я кивнула и, держась за борта бадьи, поднялась. Элиза окатила меня из ковша — сначала спину, потом грудь, потом волосы, — и вода потекла ручьями, смывая пену. Я вышла из бадьи на деревянный настил, и служанка тут же укутала меня в большое льняное полотенце, растёрла досуха, промокнула волосы. Другое полотенце она накинула мне на плечи, чтобы я не замёрзла, и надела на меня халат.

Обратно в комнату мы шли тем же путём, и я чувствовала себя обновлённой — кожа горела от тёплой воды, волосы были влажными и тяжёлыми, но голова была ясной, словно вместе с пеной с меня смыли вчерашнюю усталость и все тревоги. В комнате Элиза усадила меня на табурет перед зеркалом и занялась моими волосами. Она расчесала их деревянным гребнем — медленно, прядь за прядью, начиная с концов и поднимаясь к корням, — и я чувствовала, как гребень скользит по волосам, распутывая узлы, которые образовались за ночь. Она заплела их в косу, которую уложила в пучок на затылке, заколов несколькими шпильками. Я наблюдала за её движениями в зеркале — ловкими, привычными, точными, — и думала о том, что за два года так и не научилась заплетать волосы сама так же аккуратно. Сколько раз я пыталась, стоя перед этим самым зеркалом, и каждый раз получалось криво — то прядь выбьется, то пучок съедет набок. Элиза, наверное, могла бы делать это с закрытыми глазами.

Потом Элиза помогла мне одеться. Домашнее платье сегодня было тёмно-зелёным, из мягкой шерсти, с длинными рукавами и небольшим воротником-стойкой. Оно было простым, без украшений, но хорошо сидело и не стесняло движений — я любила такие платья для дней, проведённых в замке, когда не нужно было никого принимать и можно было просто заниматься делами. Я надела чулки — шерстяные, тёплые, — и туфли. Элиза застегнула пуговицы на спине — их было семь, маленьких, обтянутых той же тканью, — и расправила складки юбки, чтобы нигде не морщило.

— Завтрак уже принесли, госпожа, — сказала она, указывая на столик у окна. — Есть будете здесь?

— Да, здесь. Спасибо, Элиза.

Служанка поклонилась и вышла, а я подошла к столику. На этот раз поднос был накрыт салфеткой, и когда я её сняла, то увидела простой, но сытный завтрак. В центре стояла тарелка с омлетом — пышным, с золотистой корочкой, с вкраплениями зелени и кусочками сыра, которые чуть тянулись при разрезе. Рядом лежали ломтики поджаренного хлеба, натёртые чесноком и сбрызнутые маслом, и несколько тонких ломтиков копчёного мяса — оленина, которую коптили ещё в прошлом месяце. В маленькой плошке была каша — густая, на молоке, с ложкой мёда и горстью лесных орехов. И, конечно, чай — горячий, крепкий, с запахом мяты и чабреца, налитый в глиняную кружку с толстыми стенками, чтобы не остывал.

Я села, развернула салфетку и принялась за еду. Омлет был нежным, сыр тянулся, зелень добавляла свежести. Хлеб хрустел, мясо было в меру солёным, с лёгким дымком. Каша с мёдом и орехами оказалась на удивление вкусной — сладкой, но не приторной, с ореховой горчинкой. Я ела не спеша, поглядывая в окно. За ним просыпался день — серый, без солнца, но сухой. Где-то внизу, во дворе, перекликались слуги, слышался стук молотка из кузницы, и это было приятно — знать, что жизнь идёт своим чередом, что замок живёт, что день начался.

Доев, я отставила тарелку и допила чай. Тепло разлилось по телу, и я почувствовала, что готова к новому дню.

Глава 6

Я спустилась по лестнице неспешно, держась за перила и стараясь не наступать на подол платья — он был длинным, почти до пола, и я знала, что стоит зазеваться, как подол окажется под каблуком. Вчерашний дождь окончательно прекратился, и в высокие окна холла падал серый, но ровный свет — не солнечный, а тот, что бывает в конце осени, когда небо затянуто, но не тучами, а чем-то средним между облаками и туманом. В замке уже кипела жизнь: где-то в глубине коридоров слышались шаги — быстрые, деловые, — голоса, приглушённые стенами, звон посуды из кухонного крыла, и всё это сливалось в привычный утренний гул, который я за два года научилась любить. Я прошла через холл, чувствуя, как прохладный воздух скользит по щиколоткам, и толкнула дверь в ту самую гостиную, где вчера разговаривала с Джеком.

Здесь меня уже ждали. У окна, сложив руки перед собой, стояла экономка — найра Эста. Женщина лет пятидесяти, невысокая, плотная, с седыми волосами, убранными под простой чепец, и с тем особым выражением лица, которое бывает у людей, знающих своё дело досконально и не терпящих суеты. Она была в тёмно-сером платье с белым передником, на поясе висела связка ключей — больших, железных, тяжёлых, которые она носила с собой всегда, и при каждом её шаге они тихо позвякивали, как маленькие колокольчики. Увидев меня, она поклонилась — спокойно, без подобострастия, как кланяются равные или те, кто уважает, но не боится.

— Доброе утро, госпожа. Как поживали?

— Доброе утро, найра Эста. Хорошо, благодарю. Присаживайтесь, рассказывайте.

Я села в своё кресло у камина, и экономка опустилась напротив, на краешек стула, положив руки на колени. Она всегда держалась прямо, говорила чётко и по делу, и я знала, что от неё можно получить полную картину того, что происходит в замке, — без прикрас, без жалоб, только факты, цифры и её собственное суждение, которое она высказывала только тогда, когда её спрашивали.

— Начну с кладовых, госпожа, — начала она, чуть подавшись вперёд, и голос её был ровным, спокойным, как у человека, который привык отчитываться каждый день и знает, что его слушают внимательно. — Запасы на зиму почти сформированы. Соленья и варенья в полном порядке: огурцы, капуста, свёкла, грибы — всего достаточно, бочки стоят в погребе, ни одна не потекла. Варенье из яблок, слив и вишни — по двадцать банок каждого, все закупорены воском, плесени нет. Мёд есть, воск тоже. Крупы — овсяная, гречневая, ячневая — стоят в мешках, мыши не добрались, я проверяла лично каждую полку. Мука — пшеничная и ржаная — в ларях, но её меньше, чем хотелось бы, — осталось, наверное, на половину зимы. Мельник обещал смолоть ещё, как только привезут зерно с дальнего амбара. Масло — топлёное и растительное — есть, но растительное почти закончилось. Надо будет закупить или выжать ещё.

Она сделала паузу, словно перебирая в уме списки — я видела, как её глаза чуть затуманились, как она мысленно проходит по полкам и углам, проверяя каждую цифру, каждую банку, каждый мешок, — и продолжила:

— Свечи и мыло — в достатке. Свечи есть и восковые, и сальные, фитили тоже, так что до весны хватит. Мыло — и простое, для стирки, и туалетное, с травами, которое вы любите, — лежит в дальнем шкафу, в сухом месте, переложённое сушёной лавандой, чтобы не отсырело. Дрова — Джек вчера распорядился, сухостой из южного леса уже начали возить, к концу недели будет полный дровяник. Уголь тоже есть, три бочки в подвале, под каменным навесом. Ткани — льняные и шерстяные — в кладовой на втором этаже, но их немного, особенно шерсти. Швеи просили ещё шерсти на зимнюю одежду для прислуги, и я бы советовала выделить. Люди мёрзнут, а зима, как вы сами знаете, будет холодной.

Я кивнула, отмечая про себя, что нужно будет поговорить с торговцем. Эста тем временем перешла к тому, что было для неё, как я знала, особенно важным, — к мастерским. Она всегда говорила о них с особой тщательностью, потому что считала — и не без оснований, — что именно мастерские держат замок на плаву, приносят доход и дают людям работу.

— Теперь о мастерских, госпожа. Швейная — в западном крыле, там, где окна выходят на старый сад. Там, как вы помните, живут и трудятся пять швей и две закройщицы. Старшая — найра Марта, ей уже под сорок, она вдова, и руки у неё золотые. Остальные — девушки от семнадцати до двадцати пяти, все из деревень, все пришли учиться или заработать. Они шьют одежду для прислуги, для вас, для заказов из города. За последний месяц они закончили три зимних платья для вас — два шерстяных, одно из плотного сукна, с меховой опушкой по вороту и рукавам. Ещё сшили двенадцать рубах для конюхов и кухонных работников, шесть передников, четыре пары штанов для егерей. Заказов из города немного, но есть: два платья для купеческой дочери — по последней моде, с узкими рукавами и высокой талией, — одно для жены бургомистра, бархатное, тёмно-вишнёвое, с серебряной вышивкой. Работают они хорошо, но есть проблема.

Экономка чуть нахмурилась, и между её бровей пролегла глубокая складка.

— Проблема с нитками, госпожа. Шёлковые почти закончились — осталось всего несколько катушек, и те початые, — а те, что есть, плохого качества, рвутся прямо в руках, узлы не держат. Марта просила передать, что если не купить хороших ниток, придётся отказывать заказчикам из города, а это удар по нашей репутации. Ещё одна забота: одна из швей, Ганна, заболела — кашель, жар, глаза слезятся. Я отправила её в лазарет, лекарь сказал, что это простуда, но она слабая девушка, и я боюсь, как бы не затянулось. Если она выпадет из работы надолго, мы не успеем сшить всё к зиме — заказов много, а рук не хватает.

Она перевела дыхание — чуть слышно, словно сама устала от перечисления проблем, — и заговорила о другом крыле, восточном, где располагалась художественная мастерская. В её голосе появилась мягкость, почти теплота, которую она обычно прятала под деловой суховатостью.

— В художественной мастерской, как вы знаете, живут и работают шесть аристократок-бесприданниц. Девочки от пятнадцати до двадцати двух лет, все — старшие дочери в своих семьях. Их привели сюда, потому что замуж их не берут — кто из-за бедности, кто из-за того, что младшие сёстры красивее, кто из-за того, что род слишком захудалый. Идти им некуда, и благодаря вам сейчас у них есть кров, пища и дело в руках. Они рисуют на заказ — портреты, натюрморты, пейзажи. Работают в основном для окрестных дворян и для городских богачей.

Эста чуть оживилась — было видно, что эти девушки ей по-своему дороги, что она следит за ними, как наседка, и гордится их успехами, как своими.

— Старшая — Иоланта, ей двадцать два. Пишет портреты маслом, очень тонко, я бы сказала, лучше всех. Её работы уже дважды заказывали из столицы — один портрет уехал в богатый дом на набережной, другой — в загородное имение. Есть надежда, что её заметят при дворе. Остальные — кто рисует акварелью, кто пастелью, кто занимается миниатюрой. Пейзажи хорошо идут, натюрморты — тоже. За прошлый месяц девушки закончили восемь картин: три портрета, два пейзажа, два натюрморта и одну миниатюру для медальона. Все проданы или ждут отправки. Но есть и трудности.

Она сложила руки на коленях и посмотрела на меня — прямо, спокойно, но с той тенью озабоченности, которую я давно научилась у неё читать.

— Краски, госпожа. Хорошие пигменты дороги, а те, что есть, почти закончились. Особенно плохо с синим и красным — их всегда не хватает, а без них ни небо не напишешь, ни платье. Девочки просили передать, что если мы не купим краски до конца месяца, они не смогут брать заказы. Ещё одна сложность: две девушки, Катарина и Бланка, поссорились. Из-за чего — не говорят, но работа в мастерской идёт медленнее, и атмосфера там напряжённая —

все ходят на цыпочках, боятся слово сказать. Я бы советовала вам зайти к ним, поговорить. Ваше слово может их примирить.

Эста замолчала и посмотрела на меня, ожидая, что я скажу. За окном снова начал накрапывать дождь — тихий, осенний, почти неслышный, — и его стук по стеклу был единственным звуком в гостиной. Я слышала, как капли собираются в тонкие струйки и стекают вниз, оставляя за собой мокрые дорожки, и этот ровный, монотонный ритм почему-то помогал думать.

Я откинулась в кресле и задумалась. Проблемы были решаемыми, но требовали внимания и денег — а деньги, как всегда, были не бесконечны. Нитки, краски, шерсть для прислуги. Больная швея, которая, если задержится в лазарете, сорвёт все сроки. Ссора двух художниц, которая может перерасти в нечто большее, если её не погасить сейчас, пока она не пустила корни. Всё это нужно было уладить, и уладить быстро, пока зима не вступила в свои права и не отрезала замок от города снежными заносами.

Я думала о том, что хозяйство — это не только цифры и распоряжения. Это люди. Живые, уставшие, иногда больные, иногда ссорящиеся. Каждый из них тянул свою ношу, и от того, как я управлялась с их маленькими бедами, зависело, будет ли замок стоять так же прочно, как стоял веками. Я вспомнила, как в первый год, столкнувшись с первой подобной проблемой — тогда это была ссора двух служанок на кухне, — я растерялась и не знала, что делать. Теперь я знала. Спокойно, по одному, не давая разрастись. И главное — не откладывать, потому что отложенное всегда возвращается вдвое тяжелее.

— Благодарю, найра Эста, — сказала я наконец, и голос мой прозвучал ровно, уверенно. — Вы всё изложили очень ясно. Я займусь этим. Пошлите кого-нибудь в город за нитками и красками — я дам распоряжение и деньги. Шерсть на одежду для прислуги выделите из запасов. Ганну навещу сама — проверю, как она, и посмотрю, не нужно ли ей чего. А к художницам я зайду сегодня же, поговорю с Катариной и Бланкой. Не хватало ещё, чтобы из-за глупой ссоры страдало дело.

Экономка кивнула и поднялась — плавно, без усилий, несмотря на возраст, — и связка ключей на её поясе тихо звякнула.

— Всё будет сделано, госпожа. Что-нибудь ещё?

— Пока нет. Если что-то изменится — сообщите.

Она поклонилась и вышла — бесшумно, как и вошла, — притворив за собой дверь. А я осталась в кресле, глядя на дождь за окном. День только начинался, и дел было много.

Глава 7

Я поднялась из кресла и направилась к выходу из гостиной. Сначала — лазарет, потом — художницы. Порядок был очевиден: здоровье людей важнее творческих ссор, и я хотела убедиться, что Ганна идёт на поправку. В конце концов, больная швея — это не просто забота о человеке, это ещё и сорванные сроки, недовольные заказчики, лишние расходы. Но главное — она была живой девушкой, которая лежала сейчас одна в холодной комнате, и я не могла позволить себе пройти мимо только потому, что у меня есть дела поважнее.

Лазарет находился в северном крыле, в двух комнатах, которые когда-то были кладовыми, но при мне были переделаны в небольшое, но уютное помещение для больных. Я шла по коридору, и чем дальше от центра замка, тем прохладнее становился воздух. Здесь, вдали от больших каминов, стены дышали сыростью и стариной — камни были холодными на ощупь, и от них тянуло тем особым запахом, который бывает в старых подвалах, — и я мысленно отметила, что надо бы распорядиться протопить и здесь. Не хватало ещё, чтобы больные мёрзли.

Дверь в лазарет была приоткрыта, и я вошла без стука. Комната была небольшой, с двумя кроватями, одна из которых пустовала — аккуратно застеленная, с взбитой подушкой. На второй, у окна, лежала Ганна — молодая девушка лет девятнадцати, с бледным лицом и растрёпанными светлыми волосами, рассыпавшимися по подушке. Она была укрыта одеялом до подбородка, и на щеках ещё играл болезненный румянец, но глаза были ясными. Увидев меня, она попыталась приподняться, опираясь на локоть, но я жестом остановила её.

— Лежи, лежи, — сказала я, подходя ближе и садясь на табурет у кровати. Табурет был жёстким, деревянным, но я не обратила на это внимания. — Как ты себя чувствуешь?

Ганна слабо улыбнулась — уголки губ дрогнули, но в глазах мелькнула тень смущения, словно ей было неловко, что хозяйка пришла к ней лично. Голос у неё был ещё хриловатый, с лёгкой одышкой, но глаза уже не лихорадочно блестели, как это бывает при сильном жаре.

— Лучше, госпожа. Лекарь давал отвар из мать-и-мачехи и мёда, и жар спал ещё ночью. Кашель остался, но грудь больше не болит. Лекарь сказал, что через день-два я смогу встать.

— Это хорошо, — я кивнула, оглядывая комнату. Стены были голыми, только у изголовья висела маленькая иконка, а на подоконнике стояла кружка с недопитым отваром. — Тебя хорошо кормят? Не холодно?

— Всё хорошо, госпожа. Найра Эста присылала бульон и кашу, и дрова в камине жгут целый день. Мне даже неловко, что столько хлопот из-за меня.

— Не говори глупостей. Ты швея, и ты нам нужна здоровая. Отдыхай, набирайся сил. Работа не убежит.

Я накрыла её руку своей — коротко, тепло, — и почувствовала, как её пальцы, тонкие и холодные, чуть сжали мою ладонь в ответ. В этом жесте было столько благодарности, что мне стало не по себе — я ведь не сделала ничего особенного, просто пришла. Ганна проводила меня благодарным взглядом, и я вышла, притворив за собой дверь.

Теперь — в восточное крыло, к художницам.

Художественная мастерская занимала несколько комнат в восточном крыле замка — там было больше света, чем в остальных частях здания, потому что окна выходили на юг и восток. Я шла по коридору, и уже издалека почувствовала запах масляных красок, скипидара и льняного масла — тот особый запах, который всегда стоял в мастерских, смешиваясь с запахом старого дерева и пыли. Он был резким, но не неприятным, и я невольно замедлила шаг, вдыхая его. Дверь была открыта, и я вошла.

В большой комнате, служившей общей мастерской, стояли мольберты — деревянные, с потёртыми ножками, — столы с красками и кистями, в беспорядке разбросанными по столешницам, на стенах висели готовые работы: портреты, пейзажи, натюрморты. Свет из высоких

окон падал на них ровно, без теней, и краски казались живыми, тёплыми. У окна, спиной ко мне, сидела девушка и что-то рисовала — я узнала Иоланту, старшую, по её тёмной косе, уложенной в кольцо на затылке, и по прямой, напряжённой спине. Она не обернулась, только чуть склонила голову набок, выводя кистью линию. Остальные, видимо, были в своих комнатах или в другой части мастерской.

Но мне нужны были не они. Катарина и Бланка — вот кого я искала. И я нашла их в соседней комнате, которая служила чем-то вроде кладовой для готовых работ — здесь стояли полки с холстами, свёрнутыми в рулоны, и несколько картин прислонены к стене. Они стояли по разные стороны стола, и атмосфера между ними была такой напряжённой, что, казалось, воздух потрескивает. Я почувствовала это сразу, ещё на пороге, — что-то тяжёлое, давящее, как перед грозой.

Катарина — высокая, темноволосая, с резкими чертами лица и упрямо сжатыми губами — стояла, скрестив руки на груди. Её спина была прямой, как струна, а подбородок вздёрнут, и во всей её позе читалась обида, которую она даже не пыталась скрыть. Бланка — светлая, круглолицая, с голубыми глазами, которые сейчас были красными от слёз, — сидела на табурете и теребила в руках платок, комкая его тонкими пальцами. Она казалась меньше, чем была на самом деле, словно сжалась, стараясь стать незаметной. Увидев меня, обе вздрогнули и выпрямились — Катарина чуть опустила руки, Бланка перестала теребить платок.

— Госпожа, — произнесли они почти одновременно, и в голосах обеих слышалась настороженность, смешанная с чем-то ещё — у Катарины с вызовом, у Бланки со страхом.

— Добрый день, — сказала я спокойно, входя и прикрывая за собой дверь. — Найра Эста сообщила мне, что у вас разлад. Я пришла узнать, что случилось. Не для того, чтобы наказывать, а чтобы понять. Рассказывайте.

Катарина первой нарушила молчание. Она вскинула голову, и в её глазах вспыхнула обида — яркая, жгучая, как искра.

— Она взяла мой заказ, госпожа. Портрет купчихи из города. Я работала над ним две недели — сделала набросок, начала писать, уже почти закончила лицо, — а Бланка сказала, что купчиха передумала и заказала портрет у неё. И она взяла! Не сказала мне ни слова, просто взяла и всё. Я узнала об этом только вчера, когда купчиха прислала записку с благодарностью. Мне! За то, что я уступила заказ!

— Это неправда! — Бланка вскочила с табурета, и слёзы снова блеснули в её глазах, уже не сдерживаемые. — Купчиха сама пришла ко мне! Она сказала, что видела мои миниатюры — те, что я показывала на прошлой неделе, — и хочет портрет в моей манере. Я не знала, что Катарина уже начала работу. Я думала, что заказ свободен! Я бы никогда не взяла, если бы знала.

— Ты знала! — Катарина шагнула вперёд, и голос её зазвенел, сорвавшись на высокую ноту. — Ты видела, как я готовлю холст, как я смешиваю краски — я делала это у тебя на глазах три дня подряд. Ты просто промолчала, потому что тебе нужны деньги. Ты всегда так делаешь — берёшь то, что должно быть моим. Сначала маленький заказ на миниатюру, потом натюрморт, теперь портрет. Что дальше? Всё, что я делаю, ты хочешь забрать себе.

— Я не брала ничего твоего! — Бланка всхлипнула, и голос её сорвался. — Ты просто завидуешь, потому что купчиха выбрала меня, а не тебя. Ты всегда считала, что ты лучше всех, что только ты умеешь писать портреты. Но это не так! Я тоже умею. Я тоже что-то стою. И я устала быть в твоей тени, слышишь? Устала!

— Девочки, — сказала я, и мой голос прозвучал твёрже, чем я рассчитывала, — резко, холодно, так, что даже воздух в комнате словно застыл. Обе замолчали, глядя на меня — Катарина с застывшей обидой, Бланка с мокрым лицом, — и в наступившей тишине стало слышно, как в соседней комнате Иоланта продолжает рисовать, не обращая внимания на шум.

— Сядьте. Обе.

Они сели — Катарина на другой табурет, Бланка обратно на свой, — и я заметила, как обе сразу стали меньше, словно из них выпустили воздух. Я стояла перед ними, глядя то на одну, то на другую, и думала о том, что за этой ссорой стоит нечто большее, чем один заказ. Может быть, годы зависти, годы соперничества, годы жизни в тесных комнатах, когда каждая минута на виду. Я видела, что обе устали, что обе на взводе, что нервы у них натянуты до предела, как струны.

— Катарина, — начала я, — скажи мне честно. Ты уверена, что Бланка знала о твоём заказе? Ты говорила с ней об этом до того, как купчиха пришла к ней? Ты предупредила её, что работа уже начата?

Катарина помолчала, потом опустила глаза — медленно, словно это движение давалось ей с трудом.

— Нет. Я не говорила. Я думала, что все знают, что этот заказ мой. Я работаю здесь дольше, и купчиха всегда заказывала у меня. Я не думала, что кому-то придёт в голову его перехватить.

— А ты, Бланка, — я повернулась к ней, и она вздрогнула, словно ждала удара. — Ты знала, что Катарина уже начала работу над этим портретом? Ты видела, как она готовит холст, как смешивает краски?

Бланка всхлипнула и покачала головой — быстро, отчаянно, так что светлые пряди выбились из-под чепца и упали на мокрые щёки.

— Я не знала, госпожа. Клянусь. Купчиха пришла вчера, сказала, что хочет портрет, и я согласилась. Я не знала, что Катарина уже взялась за него. Я бы не стала брать, если бы знала. Я не воровка, госпожа, я не хотела ничего плохого.

Я вздохнула и села на стул напротив них — деревянный, жёсткий, с прямой спинкой. Села не потому, что устала, а потому, что хотела говорить с ними на одном уровне, без давления. Напряжение в комнате понемногу спадало — я чувствовала это по тому, как разжались плечи Катарины, как перестала дрожать Бланка.

— Вот что я скажу вам обеим. Вы живёте здесь, в одном крыле, работаете в одной мастерской. Вы — не соперницы, вы — сёстры по делу. Если вы будете грызться из-за каждого заказа, то растеряете всех клиентов, и тогда ни у одной из вас не будет работы. Понятно?

Обе кивнули, хотя Катарина всё ещё смотрела в сторону — на полку с холстами, на которых лежал тонкий слой пыли. Я видела, что обида ещё не ушла, что она сидит где-то глубоко и будет тлеть ещё долго. Но начало было положено.

— Что касается этого заказа. Купчиха заказала портрет у Бланки — значит, Бланка его и напишет. Катарина, ты получишь следующий заказ, который придёт из города, и я прослежу, чтобы он был не хуже. А ты, Бланка, в следующий раз, прежде чем брать заказ, спроси у Катарины, не занята ли она им. И вообще — спрашивайте друг у друга. Говорите. Не молчите, не копите обиды. Это ясно?

— Да, госпожа, — сказали они обе, и на этот раз в их голосах не было злости — только усталость и, может быть, слабое облегчение, как у людей, которые долго несли тяжёлый груз и наконец получили возможность его снять.

— А теперь идите. И помиритесь. Не хватало ещё, чтобы из-за одного портрета весь замок ходил на цыпочках.

Я встала и вышла, оставив их одних. За дверью я на минуту остановилась, прислушиваясь. Сначала было тихо, потом я услышала, как Бланка сказала что-то тихо, извиняясь, — слова было не разобрать, только тон, — и как Катарина ответила — коротко, но уже без прежней резкости. В её голосе всё ещё звенела обида, но под ней уже пробивалось что-то другое, похожее на усталое согласие.

Я улыбнулась и пошла обратно в холл. Дел ещё было много, но одна проблема, кажется, была решена.

Глава 8

Я вернулась в холл, размышляя о том, что неплохо было бы выпить чаю и ненадолго вернуться в гостиную — к огню и тишине. Но не успела я дойти до лестницы, как со двора донёлся стук копыт и скрип колёс по гравию — тяжёлый, размеренный, такой, какой бывает у хорошо смазанных экипажей. Я остановилась, прислушалась. Голоса, топот, звон упряжи — кто-то приехал. Довольно много людей, судя по звуку: не меньше пяти-шести лошадей, карета, возможно, две.

Дверь главного входа отворилась, и в холл вошёл дворецкий — пожилой мужчина с безупречной осанкой, в тёмном сюртуке, с седыми волосами, гладко зачёсанными назад. Он поклонился — ровно, как всегда, без спешки.

— Госпожа, прибыл его светлость герцог Нортон горт Партосан с сыновьями. Просят принять.

Я едва заметно вздохнула. Герцог Нортон горт Партосан. Третий раз за последние два месяца. И каждый раз — с сыновьями. Оба неженаты, оба примерно моего возраста — старшему около сорока, младшему чуть за тридцать. Оба — с тем особым выражением лиц, которое появляется у мужчин, которых матери настойчиво отправляют «присмотреться» к одинокой хозяйке замка с приданым.

Я знала, что это значит. Герцог — влиятельный сосед, владелец обширных земель к северу от моих, и он не первый раз намекал на то, что «было бы отрадно породниться». Его сыновья были вежливы, образованны, недурны собой — старший даже казался умным, — но я не видела в этих визитах ничего, кроме светской обязанности. Мне было хорошо одной, и я не собиралась менять это на что-то другое. Я вообще не думала об этом. Просто не думала — и всё. В этом теле, в этой жизни, я впервые в жизни чувствовала себя целой, и мысль о том, чтобы разделить эту целостность с кем-то, вызывала у меня не трепет, а тихое отторжение. Может быть, когда-нибудь. Но не сейчас.

— Проводите их в большую гостиную, — сказала я дворецкому, и голос мой прозвучал ровно, без раздражения — я не позволяла себе раздражаться из-за того, что не могла изменить. — Я сейчас подойду. Распорядитесь насчёт чая и закусок.

Он кивнул и удалился. Я поднялась на второй этаж, чтобы поправить платье и волосы — не ради них, а ради себя. Быстро прошла в свою комнату, умыла руки, оправила тёмно-зелёное платье, проверила, на месте ли пучок, не выбилась ли какая-нибудь прядь. В зеркале на меня смотрела спокойная женщина с синими глазами и безмятежным лицом. Я не собиралась никого очаровывать. Я собиралась быть вежливой хозяйкой.

Большая гостиная, в отличие от моей любимой маленькой, была просторной и официальной. Высокие потолки с лепниной — гирлянды из гипсовых листьев и розеток, — тяжёлые шторы из тёмно-бордового бархата, несколько кресел и диванов, расставленных вокруг большого камина, где всегда горел огонь, даже в тёплые дни. Здесь принимали гостей. Здесь я принимала герцога. Я всегда чувствовала себя в этой комнате немного не на своём месте — она была слишком большой, слишком парадной, слишком чужой, — но я научилась носить её, как носят дорогое, но неудобное платье.

Когда я вошла, они уже были там. Герцог Нортон горт Партосан — крупный мужчина лет шестидесяти, с седой гривой, громким голосом и манерами человека, привыкшего заполнять собой любое пространство, — стоял у камина. Увидев меня, он расплылся в улыбке и шагнул навстречу, и я почувствовала, как его взгляд скользнул по мне — быстро, оценивающе, привычно.

— Найра Виктория! Как я рад вас видеть! Вы сегодня просто очаровательны, как, впрочем, и всегда.

Он взял мою руку и склонился над ней, задержав чуть дольше, чем требовал этикет. Его ладонь была тёплой и сухой, а губы, коснувшиеся кожи, — чуть шершавыми. Я вежливо улыбнулась и кивнула, мягко, но решительно высвободив руку.

— Ваша светлость, добро пожаловать. Рада вас видеть. И ваших сыновей, — я повернулась к двум мужчинам, стоявшим чуть поодаль, у окна.

Старший, Эдвард, был похож на отца — крупный, светловолосый, с правильными чертами и уверенным взглядом, в котором читалось спокойное сознание собственной значимости. Он поклонился с достоинством, ровно, как человек, которого с детства учили кланяться красиво. Младший, Ричард, был темнее и стройнее, с более мягкими чертами лица и застенчивой улыбкой, которая то появлялась, то исчезала, словно он не был уверен, уместна ли она здесь. Он поклонился чуть поспешнее, чем брат, и на мгновение встретился со мной взглядом — в его глазах мелькнуло что-то похожее на смущение.

— Найра Виктория, — сказал Эдвард, и голос у него был глубокий, ровный, — для нас честь быть принятыми в вашем доме.

— Благодарю, — ответила я. — Прошу, присаживайтесь. Сейчас подадут чай.

Мы расселись: герцог в кресле у камина, его сыновья на диване, я — напротив, в своём кресле. Служанка внесла поднос с чаем — фарфоровым, с золотой каймой, — маленькими пирожными с кремом и песочным печеньем с корицей. Я разлила чай сама — так было принято, и это давало мне возможность занять руки и не смотреть постоянно на гостей.

— Как ваши дела, найра? — начал герцог, отхлебнув чаю и чуть поморщившись — видимо, напиток показался ему недостаточно крепким. — Как урожай? Я слышал, у вас отличная пшеница в этом году.

— Благодарю, ваша светлость, неплохо. Джек — мой управляющий — говорит, что мы собрали больше, чем в прошлом году. Зима, надеюсь, пройдёт спокойно.

— Прекрасно, прекрасно. А как ваши мастерские? Говорят, у вас работают художницы? Бесприданницы из хороших семей?

— Да, шесть девушек. Они пишут портреты и пейзажи на заказ. Работы хорошие, есть спрос.

Герцог кивнул с одобрением, и в его глазах мелькнуло что-то похожее на уважение — или на расчёт. Я не стала разбираться.

— Вы удивительная женщина, найра. Управляетесь с поместьем, с мастерскими, со всем хозяйством — и всё одна. Без мужа, без опоры. Это достойно восхищения.

Он сказал это с особым нажимом на последние слова, и я почувствовала, как в воздухе повис намёк — тяжёлый, как запах духов, которыми он был надушен. Я сделала глоток чая — он был крепким, с лёгкой горчинкой, — и ответила ровно:

— У меня есть прекрасные помощники, ваша светлость. Джек, найра Эста, слуги. Я не одна.

— О, конечно, конечно, — герцог чуть подался вперёд, и его кресло скрипнуло под тяжестью. — Но всё же, госпожа, женщине в вашем положении нужна надёжная опора. Мужчина, который разделит с ней заботы. Мой старший сын, Эдвард, — он указал на сына, и в его голосе послышалась гордость, — прекрасный управляющий. У него имение в двух днях пути отсюда, и он мог бы...

— Отец, — тихо сказал Эдвард, и в его голосе послышалось смущение — не наигранное, а настоящее, от которого у него чуть порозовели уши. — Не смущай найру Викторию.

— Я не смущаю, я говорю дело, — герцог добродушно хохотнул, и смех его прокатился по гостиной, отразившись от высоких потолков. — Найра Виктория, вы ведь понимаете, что я имею в виду? Мы бы могли породниться. Эдвард — человек серьёзный, надёжный, хозяйственный. Или Ричард, если вы предпочитаете более молодого. Он, правда, мечтатель, но добрый и честный.

Ричард покраснел — густо, до корней волос, — и устался в чашку, словно надеялся в ней утонуть. Эдвард сохранял невозмутимость, но я видела, что и ему неловко: он сидел прямо, как на приёме, и не смотрел ни на отца, ни на меня.

Я поставила чашку на столик — тихо, без стука, — и посмотрела на герцога с вежливым, но ничего не выражающим лицом. Я чувствовала, как внутри поднимается что-то похожее на усталость. Не злость, не раздражение — просто усталость. Третий раз за два месяца. Один и тот же разговор, одни и те же слова, одни и те же намёки.

— Ваша светлость, я тронута вашей заботой. Право, тронута. Но я вполне справляюсь сама. Поместье в порядке, люди сыты, дела идут. Я не чувствую нужды в... переменах.

— Но, найра, — герцог не сдавался, и в его голосе появилась нотка настойчивости, — вы молоды, хороши собой. Неужели вы не хотите семьи? Детей? Продолжения рода?

Я чуть склонила голову набок — медленно, спокойно. Этот разговор был мне знаком, я слышала его уже трижды и трижды отвечала одно и то же. Но герцог, видимо, считал, что настойчивость — лучший путь. Что ж. Я умела быть настойчивой тоже.

— Ваша светлость, — сказала я мягко, но с той твёрдостью, которую он, надеюсь, услышал, — я ценю ваше предложение и вашу заботу. Но я не ищу мужа. Я не ищу перемен. Мне хорошо так, как есть. Если я когда-нибудь передумаю, я непременно дам вам знать. А пока — давайте наслаждаться чаем и беседой. Расскажите, как ваши охотничьи угодья? Говорят, у вас появились новые соколы?

Герцог помолчал, потом рассмеялся — громко, искренне, хотя в глазах мелькнула тень досады, которую он не сумел скрыть. Смех его прокатился по гостиной и затих где-то под потолком, в лепнине.

— Ах, найра! Вы умеете уйти от ответа, как дипломат. Хорошо, хорошо, не буду настаивать. Но я не отступлюсь, слышите? Я упрямый старик.

— Я заметила, — улыбнулась я, и в этой улыбке не было ни вызова, ни холода — просто вежливое признание его правоты.

Разговор перешёл на другие темы — охота, погода, новости из столицы. Эдвард и Ричард постепенно расслабились и даже включились в беседу: Эдвард рассказывал о новом коне, которого приобрёл на ярмарке, — гнедом, с белой звездой на лбу, — и в его голосе слышалась неподдельная увлечённость, которая делала его моложе и проще. Ричард говорил о книге, которую читал, — что-то о путешествиях на восток, — и в его глазах загорался тихий огонёк, когда он описывал далёкие города и обычаи. Я слушала, кивала, задавала вопросы — вежливо, внимательно, но без малейшего интереса к тому, что герцог пытался мне навязать. Я видела, что оба сына — неплохие люди. Что Эдвард надёжен, а Ричард добр. Но это ничего не меняло.

Когда они уехали — а визит длился около двух часов, — я проводила их до крыльца, пожелала доброго пути и вернулась в холл. Дворецкий закрыл за ними дверь — тяжёлую, дубовую, с коваными петлями, — и я осталась одна в тишине. Тишина была плотной, тёплой, своей. Я слышала, как затихает стук копыт за окном, как возвращаются на свои места слуги, как где-то в глубине замка снова начинает идти обычная жизнь.

Поднявшись в свою гостиную, я села в кресло у камина и закрыла глаза. В голове было пусто и спокойно. Герцог с сыновьями уехали, и это было хорошо. Я не чувствовала ни раздражения, ни вины. Просто усталость от светской болтовни и лёгкое облегчение от того, что всё закончилось.

Я вспомнила, как герцог сказал: «Вы умеете уйти от ответа, как дипломат». Улыбнулась про себя. Может быть, и так. Но на самом деле я просто не понимала, зачем всё это. Зачем менять свою жизнь, своё одиночество, свою тишину на что-то другое. Мне было хорошо. И этого было достаточно.

Дождь за окном снова начал накрапывать — тихо, еле слышно, — и его стук по стеклу был мягким, убаюкивающим. Я взяла чашку с остывшим чаем и сделала глоток. День продолжался.

Глава 9

Я сидела в кресле, держа в руках тёплую чашку, и смотрела, как за окном накрапывает дождь. Чай был крепкий, с мятой, и его тепло разливалось по телу, успокаивая после визита герцога. Мысли текли медленно, сами собой, возвращаясь на год назад — к тому дню, когда всё началось.

Тогда была осень, такая же серая и дождливая, как сейчас. Я сидела в этой самой гостиной, разбирая с Джеком счета за лето — цифры расплывались перед глазами, и я уже не первый час пыталась свести концы с концами, — когда дворецкий доложил, что приехала какая-то женщина с дочерью и просит принять. Я велела проводить. Тогда я ещё не знала, что этот визит изменит многое — и в моей жизни, и в жизни этих двух женщин.

Она вошла — невысокая, худая, в поношенном платье, которое когда-то, видимо, было дорогим, но теперь выцвело и обтрепалось по краям, а на локтях проступили тонкие заплатки, аккуратные, но заметные. Женщина лет пятидесяти, с усталым лицом и руками, которые знали и работу, и нужду — пальцы были длинными, но покрасневшими, с коротко остриженными ногтями. За ней, чуть поодаль, стояла девушка — высокая, нескладная, с бледным лицом и тёмными волосами, убранными в простую косу. Некрасивая. Совсем некрасивая — слишком длинный нос, слишком широкий рот, слишком острые плечи, слишком тонкая шея. Но в ней было что-то, что заставило меня задержать на ней взгляд. Может быть, спокойствие. Может быть, достоинство, которое не зависело от платья и причёски. Она не прятала глаза и не горбилась, как привыкли горбиться те, кто годами слышит только отказы.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.